

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ РАЗГОВОРОВ

Кто знает, как сложилась бы судьба науки – антропологии, если бы аборигены читали то, что написано о них антропологами. Дистанция по отношению к объекту описания, которую предполагает и создает антропологический текст, остается одним из условий его эффективности. В этом смысле "Русские разговоры" Н. Рис при всей ясности и нарядной легкости слога – непростое для российской аудитории чтение: они написаны иностранкой для своих, но рассказывают о дискурсивном ландшафте последних лет перестройки, почти о нас.

Из обыденных разговоров московской интеллигенции американский антрополог извлекает культурные универсалии и регулятивные механизмы, приводящие это речевое многообразие к общему знаменателю – русскости. Вооружившись волшебным словом "жанр", автор картографирует до боли знакомое: истории о катастрофическом потреблении эпохи дефицита и байки о пьянках, жалобную продукцию и новые агиографии. Рис находит в рассказанном страдании дискурсивную доминанту русской культуры; выясняет, что означает быть русским на словах; искренне пытается понять, почему наш великий и могучий язык является богатством и как им распоряжаются. По ходу анализа "русского дискурса" становится ясно, что разговоры – это одновременно оплот сопротивления и способ утверждения власти, женские придирки – инструмент сохранения порядка, мужские скабрёзности – путь к свободе, а грубость советских продавщиц – культурный сценарий. Все это по-настоящему интересно и гарантирует успех русскому переводу книги у самого широкого круга читателей.

А наш брат-гуманитарий? Будет ли его реакция на "Русские разговоры" пристрастным (не)узнаванием себя в антропологическом зеркале или его теоретическим осмыслением? Захочет ли он разглядеть за несциентичной манерой письма, вольной процедурой сбора данных, олитературенными комментариями и живым присутствием автора в тексте не очередной травелог западного интеллектуала, а достойный опыт качественных штудий со своей аналитической оптикой и методом? При любом раскладе методологические рамки, что удалось сохранить-приобрести ученому читателю за 8 лет, отделяющих английский оригинал от русского перевода, будут испытаны на прочность. Ведь, согласитесь, современная ситуация примечательна. Сами "русские истории" почти утратили свой маргинальный статус, но переход от нарративно-дискурсивного ликбеза к спокойному качественному исследованию явно затягивается. Опубликованы первые работы российских авторов о том, что рассказывают наши соотечественники и с каким социальным эффектом¹. Но они не претендуют на широкие культурные обобщения. О перестройке по-прежнему пишут зарубежные специалисты. Н. Рис, например. И, если попытаться вообразить, что "Русские разговоры" вышли бы в 1997 г. одновременно на английском и на русском, то здесь, вероятно, возникла бы эйфория от открытия новых тем и методов, но вряд ли стоило ожидать рабочего разговора. Сегодня возможно все. Такая уж фаза. Рабочая.

Обещание анализа повседневных разговоров 1989–1990 гг. стало для меня одной из главных интриг этой книги. Ведь о русских разговорах известно лишь то, что они существуют. Сегодня охотно пишут о разновидностях русского бытового письма, распутывают разной глубины нарративные интервью, но не обыденные разговоры. Уж слишком это "спонтанное речевое общение" неуловимо и чувствительно к контек-

---

Галина Анатольевна Орлова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии Ростовского государственного университета; e-mail: kir@rsu.ru

стам. А потому исследование Рис уникально дважды: во-первых, собрана коллекция высказанного нашим самым разговорчивым сословием 16–17 лет тому назад, а, во-вторых, предложена авторская версия анализа этого материала.

Автор особо подчеркивает важность изучения разговоров. Она полагает, что в России, в сравнении, например, с жителями Папуа–Новой Гвинеи, разговоры – это базовая практика конструирования ценностей. И даже более того: "В языке повседневного общения... действует тонкий и всепроникающий – и, может быть, самый мощный – механизм воспроизводства культуры" (Рис 2005: 58). Докса, выдержанная в антропологическом стиле, позволяет перевести страсть к речевому общению в разряд русского модуса самовыражения. При этом Н. Рис не поясняет, насколько она различает стратегические возможности "речи во всех ее формах и разновидностях" и собственно разговоров.

Для анализа русского культурного материала, производство и упорядочивание которого традиционно связывается с письменными дискурсами и прежде всего с литературой, описание специфической дискурсивной ниши обыденной устной речи приобретает особое значение. Ведь что такое обыденная устная речь московской интеллигенции (может быть, самого затронутого литературой сословия) в эпоху перестройки (которая с не меньшим основанием может быть определена как эпоха доминирования публицистического дискурса, "Огонька", "Аргументов и фактов", толстых журналов и исторических разоблачений вроде книг Роя Медведева)? Не очень понятно.

Думаю, здесь не стоит особо вдаваться в размышления в духе Онга о том, до какой степени устная речь человека, затронутого письменными технологиями, подчинена этим технологиям и структурирована ими (Ong 1999: 78). Или, может быть, стоит? В противном случае всякая попытка драматизации, предпринятая просвещенными собеседниками автора, всякая операция воплощения в сюжет и проявление пафоса будут проходить по ведомству волшебной сказки и мифа. И тогда будут возведены на дискурсивный пьедестал литании, поскольку они без труда отсылают к своим фольклорным двойникам, и останутся едва затронуты анализом бытовые абсурдистские жанры интеллигенции, отсылающие к литературным моделям и конвенциям. А все порожденные русской литературой проклятые русские вопросы и стратегии ответов на них (а ведь именно их можно выводить в качестве жанров) будут некритически рассмотрены как продукт разговорного жанра и описаны средствами фольклористики. Еще одна опасность проистекает из ограниченных возможностей матрицы традиционного фольклора для фиксации и структурирования повседневных фактов (опять же, не будем углубляться в полемику об исторических границах повседневного). И тогда столичный житель, живущий в конце XX в., шагнет на страницы книги из сказочной страны богатейшего русского фольклора, а его речь, препарированная при помощи фольклорных инструментов, превратится в набор сакральных символов и растеряет фактуру повседневного.

Конечно же, Н. Рис действует гораздо тоньше. Но и для нее литература остается неотрефлексированным подпольем, откуда заимствуется принцип структурного упорядочивания эмпирических речевых фактов (жанровая сетка) и говорящие метафоры вроде той, где автор вписывает рассказы своих собеседников в книжную форму: "Те же, чьи истории представляют собой подобающе структурированные главы, стихотворные строки или хотя бы примечания к эпической саге о России, считали себя частью этой саги" (Рис 2005: 65). Однако тот факт, что исследовательнице удалось предложить новый взгляд на русскую культурную механику и показать его перспективность, лично для меня очевиден. А об интерпретативных ключах и стратегиях исследования всегда можно спорить.

По ходу чтения у меня возникло странное ощущение, что в тексте, подменяя друг друга, присутствует несколько русских разговоров. Когда автор пишет о разговоре, в котором можно раскрыть душу, или упоминает о знаменитых кухонных разговорах,

то, видимо, имеет в виду особую форму межличностного речевого общения (может, не в меньшей степени культурно-специфичную). Ценность этой формы фиксируется, но не проблематизируется, а порядок коммуникации не учитывается при анализе стратегий порождения высказываний и смыслов в разговоре. О значимости таких разговоров приходится судить по собственному опыту и песенке про маленькую компанию из советского мультфильма. А ведь весьма вероятно, что тот рефрен – "Ах, было б только с кем поговорить", – выражает самую суть русских разговоров, приоритет интеракции над нарративом.

Для Рис куда важнее знать, о чем, по каким правилам и с какими социальными последствиями говорили в Советском Союзе, нежели учитывать влияние формы/ситуации взаимодействия на производство значений высказывания. Здесь-то и возникает другой разговор – говорение о чем-то, сведенное в ситуации анализа к серии монологических фрагментов и рассказов. Понятно, что классический для анализа беседы вопрос (должна ли единица анализа разговоров быть двуполусной, сохраняя диалогическую структуру взаимодействия?) здесь теряет смысл. Для Н. Рис в этом нет проблемы, поскольку значение, структуру и ценностное измерение она обнаруживает внутри отдельных фрагментов вне прямой связи с характером взаимодействия. Ее исследовательская стратегия – "поиск общего в разных речевых стилях" – позволяет снять различия между застольной дружеской беседой, плановым интервью (процедура его проведения неизвестна, но так ли уж это важно?), статьями в прессе, письмами в газету, телерепортажами и выступлениями на митинге. Устная речь не вполне отделена от письменной, приватная – от публичной. В разряд русских разговоров попадает даже объяснение, данное одним москвичом на безупречном английском. Такая установка позволяет оптимизировать поиск в перестроечной речи новых дискурсивных целостностей и систем их формирования, но, продолжая настаивать, затрудняет исследование (обыденного) разговора как особой культурной формы.

Анализируя перестроечный дискурс (или одну из его версий), Н. Рис сосредоточивается на изучении относительно устойчивых моделей, кодов, нарративных конвенций, которые, хотя и воспроизводятся всякий раз в определенной ситуации, но непосредственно от нее не зависят. Отсюда интерес исследовательницы к поэтике устной речи в целом и речевым жанрам в частности. Превращение жанра – типизирующей и формальной по своей сути категории – в основную единицу анализа и, я бы даже сказала, абсолютизация его в этом качестве, вступает в противоречие с более гибким стратегическим ориентиром исследования. Или наоборот. В результате автор создает довольно хаотичную картину перестроечных жанров. Я бы предложила рассматривать ее как результат первичной обработки эмпирических данных, где в не очень понятных отношениях соединяются традиционные жанры устной речи, отдельные речевые акты, сюжеты и новые образования, к которым, действительно, имеет смысл применять понятие "жанр". Может быть, даже речь идет о разных вариантах одного жанра – литании – особого жалобно-обвиняющего модуса русской речи, в который может быть включена (и периодически включаются автором) большая часть выделенных Рис речевых стратегий. Как это часто бывает в качественных исследованиях, автор создает свой объект по ходу описания.

Н. Рис удалось сделать то, что давно уже пора было сделать: потеснить классика русской литературы, доказав, что в России не то что каждая семья, но и каждый человек несчастлив одинаково. Во всяком случае, существуют устойчивые культурные формы для выражения, воспроизводства и аксиологизации этого несчастья. Их потенциал для производства субъектности рассказчика и насыщения его жизни смыслом, как показала Н. Рис, неисчерпаем. Исследовательница рассматривает литанию как зеркальное отражение историй о советском позитиве. Однако у того, что она называет "славословием", был другой двойник – дискурс критики и самокритики, обличений и разоблачений, который обнаруживает куда большее сходство с литаниями, чем

можно было предположить, вполне может потягаться с ними и в пафосе, и в дискурсивном потенциале субъективации, и уж, конечно, в силе политического действия. А вот почему социальное и политическое мышление россиян имеет столь явно выраженную негативную доминанту и возможны ли альтернативы – вопрос открытый.

То, что было рассказано американскому антропологу, представляет большой интерес. Но не менее интересно то, о чем ей не рассказывали. Мое внимание привлекли зафиксированные Рис зоны молчания, в которых русский человек не может или не хочет о чем-то говорить, будь то отказ от обсуждения практического решения проблемы или от позитива. Выявление и анализ таких ограничений, налагаемых культурными конвенциями, кажется важным шагом на пути к реконструкции *taleworld*, рассказанного универсума культуры – области жизни, находящей свое воплощение в рассказах (Young 1989). Избранная исследовательницей позиция позволяет распространить дискурсивный патронаж, по крайней мере, на весь аксиологически окрашенный опыт русской культуры. И, наоборот, лакуны в разговорах и рассказах можно рассматривать в качестве индикаторов отсутствия ценности, а нередко и разработанных культурных моделей социального действия, эмоционального переживания и т.д. Автор, конечно, рассматривает и исключения из правила, как, например, существование вопреки похвалам бедности ориентации на материальное благополучие. Но в целом правило функционирует, позволяя Рис наметить контуры дискурсивной утопии для России: благоприятные социальные, политические и экономические изменения можно вызвать, если изменить палитру актуальных жанров русской речи.

Свое исследование Н. Рис называет "серией культурологических фотографий". Однако не стоит путать удачную авторскую метафору с визуальной "чернухой", обильно перемежающей главы русского издания. События, изображенные на этих мрачных снимках, явно находятся за пределами описываемого автором периода. А их оптика, мягко говоря, не совпадает с той, что была предложена Рис. И все же появление таких фотографий в русской версии "Русских разговоров" довольно симптоматично. Ведь и через 10 лет они воспроизводят деструктивные визуальные стратегии самых страшных перестроечных журналов. А значит, конструирование травматического опыта продолжается. И потому вряд ли в скором времени стоит ожидать отечественных текстов о перестройке.

Примечание

¹ Они, как правило, построены на анализе такого специфического жанра, как рассказанная история жизни, сосредоточены на описании локальных форм социального опыта или отдельных дискурсов и не претендуют на широкие культурные обобщения. См., напр.: Трубина Е. Рассказанное "Я": отпечатки голоса. Екатеринбург, 2002; Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности / Под ред. А. Темкиной, Е. Здравомысловой. СПб.: Булавин, 2002.

Литература

- Рис 2005 – Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛЮ, 2005.
- Ong 1999 – Ong W. Orality and Literacy: The Technologizing of the World. N.Y.: Routledge, 1999.
- Young 1989 – Young K. Narrative embodiments: Enclaves of self in the realm of medicine // Texts of Identity / Eds. J. Shotter, K.J. Gergen. L.: Sage, 1989.